

МЕЖВУЗОВСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЭКОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ЧУВСТВЕННОСТИ» Санкт-Петербург, 4–5 декабря 2012 г.

Д.А. Ардамацкая, А.Е. Радеев

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Эл. почта: artem_radeew@mail.ru

Экологическая эстетика – отрасль, слабо представленная в отечественной науке. Если в ряде стран (прежде всего – США и Финляндии) экологическая эстетика активно развивается и предлагает новые концептуальные горизонты как для экологической проблематики, так и для современной эстетики, то в России и по сей день даже сам термин вызывает недоверие с самых разных сторон.

В 2011 г. профессор СПбГУ В.В. Прозерский – эстетик, ученый, исследователь англо-американской эстетики, автор ряда оригинальных концепций по эстетике дизайна и городской среды – инициировал создание научной группы по изучению экологической эстетики. Так сформировался коллектив, состоящий из трех поколений эстетиков и поставивший своей целью изучить более полно эту отрасль. Члены научной группы избрали две основных стратегии: во-первых, изучение различных традиций экологической эстетики, определение их проблемного поля; во-вторых, изучение классической и современной эстетики с точки зрения ее отношения к экологической проблематике. Проект по изучению экологической эстетики был поддержан Российским гуманитарным научным фондом (грант № 12-03-00533).

В качестве первого шага для осмысления феномена экологической эстетики на философском факультете СПбГУ 4–5 декабря 2012 г. была организована межвузовская научная конференция «Экология культуры и чувственности», на которой участники научной группы, а также желающие присоединиться к изучению феномена экологической эстетики выступили с докладами и научными сообщениями о том, какими видятся проблемы и задачи экологической эстетики, каков ее концептуальный горизонт, каковы (с точки зрения эстетики) перспективы пересечения проблемного поля эстетики и экологии.

Вступительное слово, открывающее конференцию, было поделено между *Б.Г. Соколовым*, заведующим кафедрой эстетики и философии культуры философского факультета СПбГУ, *В.В. Прозерским*, профессором кафедры, и *А.Е. Радеевым*, доцентом кафедры. Во вступительном слове была обозначена направленность конференции на честный, открытый диалог и на попытку ответа на вопрос, что такое экологическая эстетика. В своем вступительном слове В.В. Прозерский сделал краткий обзор истории экологической эстетики в России, назвав эту область для отечественной эстетики terra incognita, небольшие шаги по освоению которой были предприняты в 1950-х (спор «природников» и «общественников», рассматривавших природу либо независимо от общества, либо по аналогии с ним) и в 1990-х годах (публикация сборника «Эстетика природы» Институтом философии РАН). Тем не менее, несмотря на эти шаги и на бур-

ное развитие таких отраслей прикладной эстетики, как ландшафтный и средовой дизайн, для теоретических исследований экологической эстетики представляется широкое поле для деятельности.

Продолжая начатый во вступительном слове исторический экскурс, первым выступил *В.В. Прозерский* с докладом «История развития экологической эстетики». Докладчик начал с прояснения понятий «экология», «экономика» (два этих понятия, имеющих один общий корень, обрели по отношению к природе противоположные функции использования и охраны), «красота» и «среда обитания». Изначально вопрос о красоте природы в европейской философии встает как реакция на крайний утилитаризм по отношению к ней, в результате чего появляются идеи благоговения перед жизнью и природой, идеи ее красоты (И. Кант, А. Швейцер). Сложность состоит в том, что в природе, в отличие от искусства, мы имеем дело не с предметами, а со средой, и не с субъектом, а с организмом, укорененным в среде. Пути решения проблемы докладчик разделяет на восточный и западный, на традицию изначального единства с природой, где художник говорит от имени природы и природа говорит с помощью художника, и на традицию, в основании которой лежит разделение на понятия мыслящей и протяженной субстанций. Этот второй путь, через отстраненную позицию эстетического созерцания (предромантическая эстетика и И. Кант) и отрицание возможности эстетики природы (за неимением критериев для ее оценки) привел у Шопенгауэра к позиции слияния индивидуальной и мировой воли, а потому – и к восточному варианту решения проблемы. С точки зрения докладчика, в европейской классической эстетике, обремененной пороками «артизации» и антропоморфизации природы, фрагментации среды, было только одно понятие, укорененное в эстетическом восприятии природы, – понятие возвышенного. Тем не менее, к середине XX в. европейская эстетика перестала задаваться вопросами о красоте природы и почти полностью превратилась в философию искусства.

В американской эстетике дело обстоит несколько иначе: в рамках натурализма Дж. Дьюи эстетические процессы рассматривались как происходящие непосредственно в жизненной среде человека, где биологические импульсы трансформируются в социальные, и наоборот. Кроме этого, со второй половины XX в. начинает быстро развиваться собственно экологическая эстетика, разделившаяся на два направления – когнитивистская (согласно которой понимание эстетических качеств природы возможно только при наличии определенных знаний о ней) и некогнитивистская (уделяющая большее внимание эмоциональной составляющей эстетического опыта).

При этом последняя набирает все большее число сторонников. Некогнитивистская эстетика делает акцент на том, что эстетическое восприятие среды ведется реципиентом изнутри самой среды, и приходит к выводу, что эстетика созерцания должна уступить место эстетике вовлеченности, участности человека в процессах, происходящих в среде. В этом она оказывается сходна с эстетикой повседневности, провозглашающей панэстетизм, ибо утверждает, что ничто в человеческой жизни не должно выпадать из внимания исследователей эстетической ценности среды. При этом подвергается критике искусствоведческая эстетика (Ю. Сайто), в рамках которой бытовые вещи рассматриваются как ослабленный вариант произведения искусства. Систематизация и рубрификация экологической эстетики наводит на мысль, что на рубеже XX–XXI вв. она находится в состоянии взвешенности и выбора пути дальнейшего развития. В последующей за докладом дискуссии В.В. Прозерский говорил о необходимости выработки собственных методологических оснований для эстетического анализа природной и социокультурной сред, чтобы избежать механического переноса принципов исследования с одной среды на другую. Между тем, внутри природной среды существует двойственность природы дикой и природы, вписанной в социокультурный ландшафт, что также необходимо учитывать.

Следующий докладчик, *Т.А. Акиндинова*, предложила рассмотреть тему экологической эстетики через обращение к взглядам немецкого поэта и философа И.-В. Гете. Находясь под влиянием идей И. Канта, изложенных в «Критике способности суждения», Гете размышляет о единении природы и свободы в жизненном мире человека и делает вывод о том, что искусство и наука необходимо сближаются в познании и осмыслении бытия как постижения индивидуального в целостности мироздания. По мнению докладчика, утверждаемые Гете единые принципы познания природы, культуры, человека на путях нового сближения науки и искусства могут быть предметом плодотворного изучения при разработке концептуального аппарата молодого раздела философского знания – экологической эстетики. Доклад Т.А. Акиндиновой, таким образом, оказался структурно и идейно противоположным предыдущему: вместо исторического анализа подходов к эстетико-экологической проблематике было предложено фундаментальное теоретическое положение, а вместо констатации необходимости развести области природы и искусства было предложено объединить их.

Последующие два доклада – *Е.В. Барковой* на тему «Экологическая эстетика и флористический дизайн: от экологии пространства к “экологии души”» и *А.В. Бадьина* на тему «Брендинг городов как философская проблема» – перевели разговор в русло более конкретных проблем. Однако за их конкретикой стояли те же общие вопросы, о которых говорили предыдущие выступающие. Так, разговор о флористическом дизайне и о таком его направлении, как ленд-арт (сочетание естественных ландшафтов и рукотворных флористических объектов), вновь напомнил о проблеме окультуривания природной среды, о попытке человека подстраивать природу под те представления о прекрасном, которые были выработаны в искусстве, и о том, какие решения этой проблемы предлагают художники ленд-арта, стремящиеся к

единению человека и природы. Доклад А.В. Бадьина касался сферы социокультурной среды и проблемы создания привлекательного образа того или иного ландшафта с коммерческой целью. Предложенный докладчиком способ философской интерпретации этой проблемы также затронул вопрос «инъекции» искусственного в естественное (даже если под естественным мы понимаем стихийное городское пространство, лишенное бренда).

В начале своего выступления на тему «Чего мы не знаем об экологической эстетике?» *А.Е. Радеев* рассмотрел три возможных подхода к экологической эстетике: радикальный скепсис, отрицающий за этой областью право на научность, противоположная позиция полного принятия предмета, и, наконец, принятие этой области знания, но только под определенным углом зрения (ракурсный подход). Отдавая предпочтение последнему из этих методов, А.Е. Радеев предложил рассмотреть экологическую эстетику в связи с концептом территории, достаточно часто встречающимся в философском пространстве. Прояснение этого понятия докладчик начал с обращения к «Критике способности суждения» И. Канта (где Кант рассматривает концепт «территории» как того места, где происходит отделение трансцендентального от эмпирического) и к трансцендентальному эмпиризму Ж. Делеза и Ф. Гваттари (где понятие территории рассматривается через процессы территориализации, детерриториализации и ретерриториализации). Первый подход направлен на отделение зон внутри территории, второй подход не только не препятствует пересечению границ, но саму территорию мыслит как постоянный процесс движения границ; в одном случае территория разделяет, в другом умножает. Два этих противоположных значения территории попеременно возникали в истории эстетики в самых различных формах, описанных докладчиком, мы же остановимся на их проявлении в рамках экологической проблематики. Экоэстетика в данном отношении оказывается родственна проекту экософии, существующему в двух вариантах: экософия норвежского философа А. Несса и экософия Ф. Гваттари. Несс в определении экософии как философии экологической гармонии и баланса подчеркивает охранительный, консервативный аспект, а именно – необходимость формирования ценностных приоритетов в отношении охраны окружающей среды. Альтернативное толкование территории представлено в работе Ф. Гваттари «Три экологии», где французский философ развивает мысль о трех равноправных и нераздельных системах – природы, общества и человека, которым соответствуют три экологии: социальная, ментальная и экология окружающей среды. Эти две традиции экософии являются своеобразными посредниками между трансцендентализмом в понимании территории и современным образом экологической эстетики. От кантовской линии и через экософию Несса сформировалась одна из самых мощных современных традиций экоэстетики – финская. Как отмечает А. Хаппала, одним из трендов современной финской эстетики – как в силу особенностей природных ресурсов Финляндии, так и в силу интереса к классическому философскому наследию – сформировалась именно консервативная линия экоэстетики. С другой стороны, совершенно четко прослеживается и тенденция к образованию

другой линии, разработанной в значительно меньшей степени и на данный момент представляющей собой лишь эксперимент. В последующей дискуссии был затронут важный вопрос (*Б.Г. Соколов*) об отрицательном отношении экологии как сложившейся науки к экософии, имеющей лишь, по мнению первой, смутные представления о своем предмете. В ответ *А.Е. Радеев* выдвинул предположение, что это происходит отчасти из-за более широкого понимания экологии в эстетике, и предложил придерживаться строгих границ и не выходить за рамки сложившегося понимания науки экологии.

Н.В. Голик начала свой доклад «Экологическая эстетика в проекции философии культуры» с заявления, что на сегодняшний день, по ее мнению, экологическая эстетика представляет собой высший тип человеческого сознания, сознания, устанавливающего целостность расколотого мира. Но для того, чтобы это сознание перешло из области должного в область сущего, необходимо выполнить ряд условий: освободиться от антропоцентризма, разобраться в тонкостях соотношения триады «общество – человек – культура», очистить сознание от иллюзии, что культура есть высшее достижение мирового духа. Также необходимо избавиться от потребительского отношения к природе: подобное отношение – результат представлений, которые формируются к XVIII в. Знаменитое изречение Бэкона «Знание – сила» замещает культ Бога культом Разума, Пользы. Последнее становится базисным понятием эпохи Просвещения и знаменует рождение хорошо нам известной культуры научно-технического прогресса и этики утилитаризма. Расколотость мира на природу и культуру отзывается расколотостью сознания: противоречием инстинктов, вожделения и культурных табу. Сегодня очевидно, что «кризис культуры» – это болезнь всего человечества, и эта болезнь достигла своей критической точки – идеологии самоубийства (экологическое и ядерное взаимоумножение как следствие самоубийства гуманистического). Однако, как правило, наше внимание сосредоточено на «кричащем симптоме» (*А.В. Ахутин*), а истоки кризиса остаются непознанными – и он продолжает неуклонно развиваться. Поиск истоков предполагает сложную работу погружения и постижения понятия «природа». И эта работа ведется благодаря и экологической эстетике. Экологическую эстетику можно трактовать как модус экологической этики, обязывающей нас быть экологически чувствительными, отзывчивыми, иметь экологическую память, воображение и, наконец, быть экологически ответственными.

Е.Н. Устюгова в докладе «Что такое культурно-историческая экология?» проследила путь развития проблемы «экологии культуры» в отечественной традиции и выделила ряд принципиальных позиций: самое широкое понимание, уравнивающее «экологию культуры» с культурологией; позиция, которая видит в экокультуре междисциплинарный проект, призванный перевести на новый уровень культуру природопользования, хозяйственную деятельность человека; проект культурной этноэкологии (социокультурная адаптация народов к меняющимся условиям существования). Помимо этих позиций, были рассмотрены и другие. Так, одной из ветвей «экологии культуры» является «экология языка». «Экологию слова» трактуют как

науку о целостности языка, о его связи с культурой и характером своего народа, со всей планетарной сферой. Одним из важнейших проблемных разделов «экологии культуры» является историческая экология. *Д.С. Лихачев* ввел понятие «экология культуры» именно в связи с задачей сохранения памяти культуры как культурного генофонда человечества. Смысл исторической экологии был сформулирован *Ю.М. Лотманом*, который писал, что в памяти культуры прошедшее не уходит в небытие, а переходит на хранение, с тем чтобы при определенных условиях вновь заявить о себе. Общим для всех выделенных подходов является стремление к равновесию человека и природы, человека и общества, человека и цивилизации, а также забота о сохранении культурного и природного наследия. После выступления докладчика была развернута дискуссия о смысле понятия «сохранение»: *А.Е. Радеев* выразил опасения, что за позицией «сохранения» скрывается консервативная идеология, а внесение новшеств, «ремонт» составляет неотъемлемую часть жизни дома, ойкоса, о котором призвана заботиться экология. *Т.А. Акиндинова* подвела итог этого спора, указав на то, что он носит эстетический характер, а о вкусах, как известно, не спорят.

Близкий концептуальный ход предложил в своем докладе и *А.В. Апыхтин*. Если в докладе *Е.Н. Устюговой* шла речь о том, как возможны в философском и научном лексиконе концепты «экологии слова» и «экологии культуры», то *А.В. Апыхтин* сконцентрировал свое внимание на понятии «экологии духа», которое им трактуется как один из типов современной феноменологии культуры. Образ современных гуманитарных наук сформировался под воздействием, с одной стороны, обоснования идеи историчности, с другой – представления о так называемых науках о духе; «экология духа», по мнению докладчика – понятие, которое выполняет методологическую функцию, то есть позволяет раскрыть особенности становления гуманитарных наук в XX в.

С.Б. Никонова в докладе «Сценарии эстетизации природы и новая экологическая альтернатива» обратила внимание на то, что в ходе выступлений и обсуждений постоянно всплывали темы сохранения и консервации, но также организации жизненного пространства; и здесь возникает базовое противоречие, ибо организация предполагает преобразование. А преобразование есть акт искусства. Сделав оговорку, что эстетика не сводится к философии искусства, докладчица перешла к анализу традиции эстетизации природы. Зарождается эта традиция в философии Канта и выражается в суждениях о целесообразности мира, где человек выступает как существо познающее и действующее, выносящее субъективное суждение, а потому создающее предмет своей оценки как таковой. Человек-творец, впервые заявивший о себе в эпоху Возрождения, стремится пересоздать мир по принципам искусства и через это пересоздание достичь единства с природой, понятой как искусство. Происходит нечто вроде очеловечивания природы по эстетическим принципам. Одной стороной этого процесса выступает испытание природы в ходе естественнонаучного эксперимента или достижение, по словам *Ф. Бэкона*, «могущества» над ней в научно-техническом развитии. Другой стороной является романтическое стремление к слиянию с ней, художественное внимание к ней, а также эстетические

проекты по ее художественному преобразению. Основной вопрос, который, по мнению докладчицы, должна решить экологическая эстетика, заключается в следующем: можно ли воспринять мир эстетически, не пытаясь его преобразовать и «овнутрить» своим восприятием? Словом, отнестись к природе эстетически – но не художественно?

А.А. Львов в докладе «“Забота о себе” в экологической эстетике» сосредоточил внимание на положении субъекта в ситуации замкнутого на самого себя современного общества потребления, индустриального мира. Экологическая эстетика как дисциплина, по мнению докладчика, должна обращаться к проблеме субъекта, к проблеме возможности преодоления субъектности. Именно эстетические исследования могут позволить человеку снова обратить внимание на свое место в космосе: последний перестает быть абстракцией, а наполняется конкретным смыслом, выраженным в произведениях энвайронменталистского искусства. Урбанистическая культура, служившая парадигмой восприятия мира, отходит на второй план благодаря обращению художников к естественным темам. Энвайронменталистское искусство приходит к признанию природы не столько эстетическим объектом, сколько субъектом. Природа сама творит, и нам необходимо раскрыть смыслы этого спасительного поэзиса в ней. Последовавшие за докладом реплики несколько скорректировали суждения докладчика, в частности, относительно того, что становление энвайронментальной эстетики происходило одновременно с формированием общества потребления (и в его рамках).

А.А. Хахалова тоже повела речь о субъекте, но обратилась к теориям американской когнитивистской психологии (Ш. Галлагер, Д. Захави, О. Фланаган и др.) об экологической форме (само)сознания, которая является необходимой и первичной по отношению ко всем остальным формам сознания, без которой был бы невозможен опыт сознания вообще. Эту форму сознания характеризует отсутствие солипсистской замкнутости: субъект с первых минут жизни оказывается в первичной установке к окружающему его пространству. Связь с окружением обеспечивается работой телесной схемы, поскольку исполнение дви-

жения предполагает интенциональное отношение к окружению, которое выражается направленностью организма вовне, в окружение, за пределы себя. Таким образом, А.А. Хахалова, так же, как и предыдущий докладчик, считает, что экологическая эстетика, как наука имеющая дело с чувственностью, концептуализирует субъекта изначально открытого, не замкнутого в солипсистском cogito.

В последующих докладах конференции фундаментальные вопросы уступали место обращениям к конкретным художественным высказываниям Хундертвассера, Смитсона, Казагранде, Брендона Балланже, группы украинских художников «Убик», Марты де Менезес, движения Public-art и т. д. В докладе В.А. Куприянова раскрывалось понимание природы в классической немецкой философии и в особенности у Шеллинга; докладчик имплицитно обратил внимание на проблему того, каким образом философская рефлексия выходит на концептуализацию природы. В одном из заключительных докладов конференции С.А. Литвинова в своем выступлении предложила систематизировать «энвайронментальное искусство». Докладчица определила этот вид искусства как экспериментальную работу художника с природными элементами, с использованием естественных сил, культивирующихся в искусстве. По мнению выступающей, одной из основных целей «энвайронментального искусства» является создание мест с пространственно-временным переживанием. Строгое определение этого искусства невозможно, но можно сформулировать его существенные черты: событийность, контекстуальность (вписанность в местность), ситуативность, а основными категориями выступают пространственность (как конструкт сознания), открытость (как безбарьерная встроенность в природный мир) и активное использование природных элементов.

Прошедшая конференция лишь обозначила диапазон *возможных* пересечений эстетической и экологической проблематик – так, как это видится со стороны эстетики. А насколько это пересечение *необходимо* – покажет время.

